

Кощей бессмертный

В неведомых землях, на горах, на водах, не в наших городах, на море, на Океане, на острове Буяне, стоит дуб зеленый, под дубом бык печеный, в боку у него нож точеный, на блюде чеснок толченый; с одного бока режь, с другого махай да ешь. И это еще не сказка, только присказка. А кто сказку будет слушать — тому соболь, куница да красная девица, сто рублей на свадьбу да пятьсот на гулянье...

Было у царя с царицей три дочки, а сына-наследника так долго не давал им Бог, что они совсем изгоревались и всякую надежду потеряли. Наконец, родился у царицы сынок. Назвали его отец с матерью Иваном-царевичем, любили и берегли несказанно. Царь сыночка всегда сам убаюкивал; качает люльку и поет:

Баю, баюшки, бай!

Скорей глазки закрывай.

Будешь, Ванюшка, большой

Награжу тебя женой,

Ненаглядною красою

С золотою косою —

Марьей Моревной.

Она за морем живет,

Там, где солнышко встает.

Она утренней росой умывается,

Пестрой радугой-ширинкой утирается.

Оттого она белее белой пены морской,

Ее оченьки яснее светлых звездочек.

Каждый вечер пел сынку царь эту песенку. Споет раз-другой — глядь — уж и заснул сынок сладким сном.

Время идет да идет, а Иван-царевич растет да растет — точно тесто на опаре поднимается. Каковы другие ребята в десять лет — он в два года таков, каковы другие в двадцать — он такой по пятому году... В ту пору стряслось над Иваном-царевичем великое горе: померли его родители в один день, в один час, и остался он сам хозяин и в доме, и в царстве, и над тремя сестрами старшими.

Раз сидит Иван-царевич в своем зеленом саду задумавшись, пригорюнившись, вдруг затмила свет черная туча, ветер завыл, деревья к земле приклонились, затряслась, застонала мать-сыра земля — и явились перед царевичем три добрых молодца: Ясный Сокол — птичий царь, Медведь — звериный царь да Змей — змеиный и рыбий царь. «Здравствуй, Иван-царевич, над своей семьей старший! Мы к тебе с добрым словом за хорошим делом: выдай за нас твоих сестриц замуж. Все мы трое — родом тебя не ниже, богатством не беднее». Говорит им Иван-царевич: «Я со своих сестер воли не снимаю: им за вами жить. Коли они согласятся, и я с вами породниться рад». Сестры-царевны согласились. У царей не пиво варить, не вино курить: веселым пирком за свадебку — и вышла старшая царевна за Ясного Сокола, средняя за Медведя-царя, а младшая за Змея-царя.

После свадьбы вскорости стали зятья с молодыми женами домой собираться, стали Ивану-царевичу за его привет да за ласку благодарствовать. Птичий царь дает ему воробьяныша, звериный царь — крысеныша, а змеиный царь — лягушоныша. Говорят: «Захочешь, дорогой зять, сестер проведать, нашей хлеб-соли отведать — пусти вперед себя этих наших ответчиков: они тебя до нас прямой дорогой доведут». Распрощались и уехали в свои царства.

Остался Иван-царевич в своем дворце один-одинешенек; из горницы в горницу ходит, по зеленому саду бродит, а сам все думу думает: «Скучно, грустно молодцу коротать век одному! Обещал мне батюшка невесту, ненаглядную красоту Марью Моревну. А где она? Пора уж мне свет повидать, людей посмотреть, себя показать. Поеду-ка я на все четыре стороны, отыщу свою суженую».

Сказано — сделано. Оседлал Иван-царевич своего добра коня, хотел было уж ехать, куда глаза глядят: на все ветры буйные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние — да задумался. «Где мне Марью Моревну искать, в каких землях, в каких городах? Велик белый свет, вовек, его весь не объедешь. Поеду-ка сперва зтей навешу; они хитры-мудры, по горам, по долам, по глубоким пропастям бродят, выше облаков носятся, по глубинам моря плавают — не знают ли, где моя суженая».

Сел Иван-царевич на своего коня и пустил вперед воробьеныша. Воробьеныш вперед летит, с куста на кустик, с деревца на деревце перепархивает — насилу поспевает Иван-царевич за ним во всю конскую прыть...

Ехал он, ехал — долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, день коротается, ночь надвигается — и выехал на широкую поляну. А середь той поляны стоит двор — что царство, дом — что город. Из ворот выбежала его старшая сестрица; брала брата за руки белые, целовала в уста сахарные, вводила в белокаменные палаты, за столы дубовые усаживала. «Ах, братец родимый, что долго не бывал? Мы с мужем об тебе давно соскучились». Тут вошел и его старший зять Ясный Сокол — птичий царь, и началось у них веселье: стали они гулять, стал зять Ивана-царевича угощать... Пировали три дня, три ночи — напоследок начал Иван-царевич отпрашиваться: «Отпусти меня, милый зять, куда мне путь лежит». «А в какую сторону, Иван-царевич, ты свой путь держишь?» «Еду я искать свою суженую, Марью Моревну, ненаглядную красу, родителем мне пообещанную. Не знаешь ли, где ее царство?» Задумался Ясный Сокол — птичий царь. «По всему, кажись, белому свету я летал, а про Марью Моревну, твою суженую, и не слыхивал». Вышел он на высокое крыльцо, свистнул молодецким свистом, крикнул-гаркнул громким голосом: «Эй, вы, слуги мои верные, птицы, летучие, собирайтесь, слетайтесь на широкий двор, держите мне ответ без утайки!»

Не черные тучи со всех сторон надвигались, — слетался весь птичий народ, собралось птиц видимо-

невидимо. Спрашивает их Ясный Сокол — птичий царь: «Все ли вы собрались сюда?» «Все до единой малой пичужки». — «Кто из вас, слуги мои верные, знает, где царство Марьи Моревны, ненаглядной красы, моего зятя суженой?» Молчит весь птичий народ, большой за среднего хоронится, средний за малого прячется, а от малого ответа нет — никто не знает, никто об Марье Моревне и не слыхивал.

«Прости, Иван-царевич; рад бы, да не могу я услужить тебе, — говорит Ясный Сокол — птичий царь. — Съезди к другим твоим зятям: они не знают ли, где искать твою суженую».

Иван-царевич с сестрой, с зятем прощался, живо в путь собирался; сел на своего доброго коня и пустил вперед крысеныша. Крысеныш вперед бежит, меж кореньев, камушков шмыгает — насилу Иван-царевич за ним во всю конскую прыть поспевает. Долго ли, коротко ли добрался царевич до двора другого своего зятя, Медведя — звериного царя. Зять с сестрой ему обрадовались; обнимали, целовали, всякими яствами, питьями угощали. А как

стал он зятя про Марью Моревну спрашивать — царь Медведь отказывается: «Не знаю, — говорит, — никогда и не слыхивал. Соберу сейчас весь звериный народ, может, кто-нибудь и знает, где твоя суженая».

Собрались на царский двор все звери со всего света до самого малого мышоночка — только и из них никто не слыхивал про Марью Моревну.

Нечего делать, выпустил Иван-царевич лягушоночка и поехал за ним к третьему своему зятю — Змею. Лягушонок вперед скачет — насилу за ним Иван-царевич во всю конскую прыть поспевает. Долго ли, коротко ли доехал он до синего моря; на берегу стоят палаты белокаменные, серебром-золотом, скатным жемчугом изукрашенные. Только подъехал Иван-царевич — выбежала на крыльцо его младшая сестрица, а за ней и ее муж, добрый молодец, змеиный и рыбий царь вышел. Стали они царевича обнимать, целовать, брали его за руки белые, вводили в палаты белокаменные, сажали за столы дубовые, за скатерти браные. Угощали дорогого гостя три дня, три ночи, напоследок говорит Ивану-царевичу зять: «Слышал я, что ты ищешь свою суженую, ненаглядную красу Марью Моревну?» «А откуда тебе-то ведомо?» — спрашивает Иван-царевич. «Мне ли, змеиному царю, не знать, что делается на свете; только одного не знаю, где живет Марья Моревна. Пойдем на крыльцо, сегодня я приказал собраться всем моим подданным-ответчикам. Не знает ли из них кто».

Вышли они на высокое крыльцо — и диву дался Иван-царевич: сколько кругом глазом окинешь — по всей земле змеи и всякие гады кишмя кишат, от рыбьих голов в море воды не видно... Спрашивает своих подданных Змей-царь: «Ой вы, слуги мои верные, правдивые ответчики! Не знаете ли, где царство неописанной красоты Марьи Моревны, моего зятя суженой?» Молчат все змеи, гады и рыбы; большой за среднего хоронится, средний малым прикрывается, а от малого ответа нет... «А все ли вы собрались по-моему приказу?» — спрашивает Змей-царь. «Нет, государь, не хватает еще самой старой колченогой Лягушки, она что-то замешкалась».

Глядь, а Лягушка тут как тут, ползет, еле ноги волочит. Как закричит на нее Змей-царь: «Где ты, старая тварь, пропадала? Почему по-моему приказу вовремя не явилась?» «Ох, прости, государь! Больно далеко была, у самой Марьи Моревны золотой косы, неописанной красоты — там, где солнышко восходит из-за синя моря. Сватаются за Марью три чужестранных богатыря — пришлось было мне, старухе, у нее сватьей быть». «Ну, Иван-царевич, дорогой зятюшка, — говорит Змей-царь, — вот тебе от меня Лягушка в помощницы; она тебя и проведет, куда тебе надобно, она тебя и уму-разуму научит, как добыть Марью Моревну. Поезжай за невестой, коли не боишься». «А как к Марье

Моревне добраться, — спрашивает Иван-царевич у Лягушки, — на коне надо ехать или пешком идти?» «Нет, царевич, к ней ни конем не доедешь, ни пешком не дойдешь; надо плыть через сине море. Возьми с собой еды на месяц да стеклянную банку и приходи на берег».

Вскорости пришел Иван-царевич на берег, смотрит: Лягушка с сенной стог раздулась, спрыгнула с берега в воду — точно корабль плавает. «Ну, царевич, садись мне на спину, поплывем скорее; коли хочешь добыть Марью Моревну, мешкать некогда».

Плывет Лягушка с царевичем на спине, будто корабль по ветру несется; день коротается, ночь надвигается, ночь проходит, из-за моря солнышко выходит... На тридцатые сутки подплыла Лягушка к царству Марьи Моревны: «Слезай, Иван-царевич, на берег; посади меня в стеклянную банку и неси с собой в город твоей суженой. Я тебя доброму научу». Вымолвила это Лягушка, перекувырнулась — и стала опять маленькой.

Иван-царевич пришел в большой город и попросился ночевать у бабушки-задворенки. Спрашивает его бабушка-задворенка: «Откуда ты, добрый молодец, каких родов, из каких городов, как тебя по имени зовут?» Он ей все о себе рассказал. «Ах, Иван-царевич, — говорит бабушка-задворенка, — в какое ты время явился! Ведь наехали сюда три сильномогучих богатыря из бусурманских стран к нашей царевне Марье Моревне свататься, и завтра будет между богатырями смертный бой. Кто других победит — тот и Марью Моревну за себя возьмет; а тебе, Иван-царевич, куда против них выйти: они в день едят по пяти коров, выпивают вина по пяти чанов». А Лягушка Ивану-царевичу из банки квакает: «Ничего, Иван-царевич, ложись-ка спать, завтра тебе рано вставать; утро вечера мудренее. Коли Марья Моревна — твоя суженая, так суженой и конем не объедешь. А про чужестранных богатырей не очень думай, мало ли что! Была, сказывают, у нашего царя корова обжорлива: по стогу сена враз поедала, пруд воды одним духом выпивала, а всего только, что обожралась да и лопнула».

Поутру Иван-царевич встал ранехонько, умылся белехонько, -снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился.

Марье Моревне в особицу; стоят они рядом да Богу молятся. На отходе обедни — она первая под крест, он — вторым за ней. Стали из церкви выходить — он с Марьи Моревны глаз не сводит, — что за невиданная краса: алый цвет по лицу расстилается, белый пух по груди рассыпается, видно, как кровь из жилочки в жилочку переливается. И она на царевича украдкой поглядывает: какойтакой

чужестранный красавец проявился: кудри черные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки молодецкие!

На широкой площади стали бусурманские богатыри между собой за Марью Моревну смертным боем биться. В первый день младший богатырь со средним схватился, долго бились и копьями долгомерными и мечами булатными и топорами тяжелыми, наконец, повалил средний богатырь младшего, насел на него, распорол ножом его грудь белую, вынул из груди ретиво-сердце и подносит Марье Моревне на ладони... Не стала глядеть Марья Моревна, отвернулась и ушла в свой дворец. А Иван-царевич пошел к бабушке-задворенке. «Что, царевич, видел Марью Моревну?» — спрашивает Лягушка. «Видел, и вовек не забуду». — «Ну, не печалься; теперь из трех ведь только двое богатырей против тебя осталось».

На другое утро встал Иван-царевич рано, умылся, нарядился. Богу помолился, на все четыре стороны поклонился и пошел в церковь к обедне. Отстоял обедню, как вчера, идет на выход сзади Марьи Моревны; вдруг обернулась она и спрашивает: «Ты скажи, чужестранный гость, каких ты родов, из каких городов, как тебя по имени зовут, почему ты в церкви рядом со мной становишься?» Отвечает ей Иван-царевич: «Потому, ненаглядная краса Марья Моревна, я в церкви рядом с тобой становлюсь, что ты моя суженая». И рассказал все о себе: какого он отца сын и как ему отец Марью Моревну в жены обещал. «Ах, Иван-царевич, ведь и мне мой отец тебя в мужья прочил, и вышла бы я за тебя с охотою, да что теперь делать: эти бусурманские богатыри все мое войско побили и меня силком берут». «Ничего, не бойся, Марья Моревна, ненаглядная моя красота, — говорит Иван-царевич, — вот сегодня из трех твоих женихов только один живым останется, а с последним я и сам, Бог даст, завтра справлюсь».

Начался на площади между бусурманскими богатырями второй бой из-за Марьи Моревны. Одолеl старший богатырь, убил супротивника. «Теперь, — кричит, — ты моя, Марья Моревна, никому тебя не уступлю!» А Иван-царевич вышел вперед и говорит: «Нет, погоди. Не зван на пир — хлеб-соль кушаешь; не поймав, белую лебедь рушаешь. Надо еще тебе завтра со мной из-за Марьи Моревны переведаваться!» «Ах ты, комар! Да мне супротивник еще не родился. А тебя на одну руку сейчас посажу, другой прихлопну — только мокренько станет». «Не насильничай, бусурманский богатырь, — говорит Марья Моревна, — видишь, перед тобой Иван-царевич безоружен стоит. Бейся с ним завтра, коли не боишься».

Пришел Иван-царевич к бабушке-задворенке: «Ну вот, теперь один тебе супротивник остался, — говорит Лягушка. — Выходи завтра против него

смело; только чтоб был у вас не конный, а пеший бой, да меня с собой возьми за пазухой».

На третье утро встал Иван-царевич, сходил в церковь к обедне, с Марьей Моревной повидался и вышел на широкую площадь. На другом конце бусурманский богатырь на коне, словно сенная копна сидит. «Погоди, — говорит ему Иван-царевич, — видишь, я пеший; только два дня, как из-за моря приплыл, — не нашел еще себе коня богатырского. Давай вровень, пешими, биться!» Бусурманский богатырь подъехал, слез с коня, и только было на Ивана-царевича кинулся, чтоб его мечом разрубить, — подвернулась ему под ногу Лягушка, что у царевича из-за пазухи выскочила, поскользнулся богатырь, покачнулся, руками взмахнул... А Иван-царевич на тот случай догадлив был: разогнал по жилам свою кровь горячую, дал простор ретивым плечам, стал бусурмана сечь, рубить, свалил его на землю... Тут богатырю и конец пришел.

Веселым пирком, да за свадебку; женился Иван-царевич на Марье Моревне, стали они жить-поживать в ладу да согласии: Только спустя недолгое время говорит мужу Марья Моревна: «Надо мне, богоданный муж, поехать, старика дедушку моего, Морского царя проведать. Поеду я ненадолго; ты меня жди: по всему дворцу нашему ходи, за всем хозяйством приглядывай, только не заходи в ту горницу, что заперта тремя засовами железными». Лишь Марья Моревна уехала, не вытерпел Иван-царевич: «Что, — думает, — от меня жена в той горнице прячет?» Отодвинул железные запоры, глядь — а там висит Кощей, двенадцатью цепями к стене прикован — страшный, словно смерть, тощий... Просит Кощей у Ивана-царевича: «Дай напиться! Десять лет — с самой той поры, как я здесь прикован, — капли воды у меня во рту не было. Несказанно ведь я мучаюсь!...» Ивану-царевичу его жалко стало — принес он Кощею ведро воды. Выпил Кощей все до капли и еще запросил: «Дай еще — ведром мне не залить жажды». Царевич принес другое ведро; Кощей выпил, просит еще. Дал ему Иван-царевич третье ведро воды. Как выпил Кощей третье ведро — вернулась к нему сила прежняя, встряхнулся он, дернул и оборвал все двенадцать железных цепей, словно гнилые нитки... «Благодарствую тебе, Иван-царевич, за то, что ты меня выручил, помог мне твою жену Марью Моревну к себе, наконец, унести. Из-за нее я с ее отцом и бился. Хорошо, что я — Бессмертный, не быть бы мне живому, когда победил он и полонил меня. Ну а теперь уж не видать тебе Марьи Моревны, как своих ушей». Сказал это Кощей — и страшным вихрем вылетел в окно...

Затужил-загоревал Иван-царевич. Ждет свою жену Марью Моревну, ненаглядную красоту, день, другой; вдруг ворочаются ее провожатые: «Беда,

— говорят, — налетел в пути на нас страшный вихрь, подхватил царицу и унес вмиг неведомо куда». Горько-горько заплакал Иван-царевич; собрался, снарядился, сел на корабль и поехал через синее море. «Что ни будет, — думает, — а разыщу я Марью Моревну!»

Долго ли, коротко ли плыл он — скоро, сказка сказывается, да не скоро дело делается, — , наконец, пристал к берегу, где было царство его зятя, змеиного царя. На ту пору у Змея-царя шел пир на весь мир, собралось гостей со всех волостей многое множество, приехали и другие зятя Ивана-царевича — Сокол-царь и Медведь-царь. Стал Иван-царевич зятьям свою беду рассказывать, как унес у него жену Кощей. Говорят ему зятя: «Знаем мы этого Кощея, и дорогу к нему показать можно, только в царство его нам войти нельзя, потому что он — страшный колдун и так заколдовал, чтобы зверь через его царство не прорыскивал, птица не пролетывала, змея не проползала — и все из жадности, чтоб никакая тварь его добром для пропитания не попользовалась. Потому и нам, царям, вход в его царство заказан. А если хочешь, Иван-царевич, мы тебя, докуда можно, доведем — дальше уж сам управляйся. Только ты оставь нам твои серебряные ложку, вилку и ножик. Коли серебро почернеет — по тому узнаем мы, что с тобой неблагополучно, и в беде твоей тебя не покинем».

Хоть и жутко одному без помощи в Кошееву берлогу забираться, да делать нечего — охота пуще неволи. Собрался Иван-царевич, сел на коня и поехал; зятя, его до Кошеева царства проводивши, назад вернулись, а он едет все вперед, чтоб найти-увезти свою ненаглядную Марью Моревну. Страшно кругом: сколько глазом видно, все песок сыпучий да камни горами навалены; ни былинки, ни травинки, ни деревца; солнце жжет, жажда донимает... Долго ли, коротко ли — вдруг увидал Иван-царевич среди каменных гор на голом месте большой дом, из серых камней сложенный. Вошел он в дом — пусто, тихо, точно все вымерло. Идет дальше из горницы в горницу — все то же: окна паутиной заросли, на полу пыль подушками слеглась; толкнул маленькую дверку — глядь: в особой горенке сидит Марья Моревна, горькими слезами обливается. Кинулся к ней Иван-царевич, обнялись они, вместе заплакали. «Ох, — говорит Марья Моревна, — зачем ты меня не послушал, Кощей выпустил, меня ему на лютую муку отдал!» «Не поминай старого, и мне не легче тебя. Уедем скорее отсюда, пока Кощей не видать. Мой конь у дверей дожидается». Вышли, сели и поскакали во всю конскую прыть.

Вечером Кощей домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? Или чуешь какую невзгоду?» Отвечает конь: «Иван-царевич был, Марью Моревну увез». «А

догонишь их?» — «Пшеницы насей, пусть вырастет, сожни, обмолоти, обмели, хлеба напеки — тогда поедем, и то догоним!» Поскакал Кощей в погоню, мигом догнал Ивана-царевича: «Ну, на первый раз прощаю тебя, — говорит, — за то, что меня водой напоил. Смотри, в другой раз не попадайся — в куски изрублю». И отнял Марью Моревну.

Заплакал горько Иван-царевич, слез с коня, сел на камень и задумался: «Неужели мне ненаглядную мою Марью Моревну так и отдать Кощею. Лучше и на белом свете не жить!» Махнул рукой и поехал опять к Кощейеву дому. Увидала мужа Марья Моревна, страшно испугалась: «Ах, Иван-царевич, что ты сделал, зачем вернулся? Ведь Кощей убьет тебя!» «Пускай убьет: мне без тебя все равно не жить. Поедем отсюда, хоть час вместе; а потом не жаль мне и головы!» «Погоди, — говорит Марья Моревна, — пойдем на хитрости. Чем Кощею под меч голову подставлять без толку, поезжай ты скорее назад, найди Бабу-Ягу и добудь у нее коня ее завода. У Кощея — от нее конь. Может быть, как поедем на том коне, он нас не догонит. А даст тебе Яга жеребенка, если ты пропасешь ее кобылиц три ночи». И рассказала Марья Моревна мужу, где Бабу-Ягу найти.

Тут поцеловались они, помиловались, и поехал Иван-царевич своим же следом назад через Кощейеву царство. Выехал благополучно, доехал до дворца своего зятя, змеиною царя. Змей-царь его выслушал и говорит: «Умница у тебя жена, Иван-царевич, хорошо она тебе посоветовала. Поезжай теперь к Бабе-Яге, а мы тебе поможем ее кобылиц три ночи выпasti. Только смотри: когда даст тебе Яга коня выбирать — бери самого захудалого жеребенка, что сзади всего табуна плестись будет».

Вот и поехал Иван-царевич к Бабе-Яге через пески сыпучие, через леса дремучие, через болота зыбучие. Долго ли, коротко ли ехал он, день коротается, ночь

надвигается — и наехал Иван-царевич в самом глухом бору на избушку; стоит избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, кругом поворачивается. Смотрит он на избушку — хорошо бы в нее войти, ночь переночевать, да нельзя: все она вертится. А тут ночь наступила, ветер завыл...

Вдруг закрутилось, замутилось, в глаза зелень выступила. Подымается земля бугром, из-под земли — камень, из-под камня — Баба-Яга, костяная нога. «Фу-фу-фу! — кричит. — Доселе русского духа слыхом не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух воочию проявляется, сам на ложку садится, в рот катится! Зачем, молодец, сюда попал?» — «К тебе, Баба-Яга, приехал за конем от твоих кобылиц». — «Ну что ж. А уговор знаешь? Выпасешь их три ночи —

выбирай себе любого коня; хоть одну потеряешь — будешь моим вечным работником, под землей сырой хлеб молотить». Иван-царевич согласился.

Привела его Яга в свои загоны широкие, в тех загонах двенадцать кобылиц с жеребьями. Яга их стала выгонять — каждую мимо себя пропускает, каждой на ухо пошепчет. А потом сказала: «Погони их теперь, добрый молодец, в зеленые луга, паси, да уговор помни».

Только выгнал Иван-царевич кобылиц в зеленые луга, как ударились кобылицы бежать в разные стороны — мигом из глаз пропали. Что тут делать? Закручинился царевич, запечалился; вдруг подлетел к нему ясный сокол, ударился об землю и стал добрым молодцем — его зятем, птичьим царем. «Не тужи, царевич, ложись да спи до утра спокойно: утром все кобылицы сами к тебе прибегут». Сказал, обернулся опять ясным соколом и улетел с глаз.

На утро, только стало солнышко всходить, вылезла Баба-Яга на крылечко, глядь — идет Иван-царевич, прутиком помахивает, гонит впереди себя двенадцать кобылиц с жеребьями. Так Баба-Яга и затряслась со злости; послала Ивана-царевича спать, а сама давай кобылиц помелом колотить. Бьет да приговаривает: «Слушайтесь, коли велела вам только к вечеру вернуться!» Отзываются ей кобылицы: «Сил наших не было... Налетели на нас птицы со всего света, бьют, клюют — неволей к пастуху согнали».

Вечером опять выгнал Иван-царевич кобылиц в зеленые луга — тут ему Медведь-царь помог: послал на табун волков, медведей со всего света, и согнали они кобылиц к пастуху на утренней заре.

На третью ночь еще хуже кобылицам пришлось... Стала их поутру Баба-Яга допрашивать, почему они ее не послушались, пастуху покорились, а они совсем измучены, еле дух переводят: «Далеко, — отзываются, — мы от него забежали: и к вечеру сегодня бы нам домой не собраться, да напали на нас змеи и гады со всего света — шипят, жалят, — пригнали к пастуху еще до зари и шага от него отойти не дали». Тут Ивану-царевичу Змей-зять помог.

Нечего делать — слово дано, поздно назад пятиться — разбудила Яга Ивана-царевича. «Твое счастье, — говорит, — выбирай себе конька, какой полюбится». А Иван-царевич с радости и забыл наказ Змея-зятя; выбрал самого показного жеребеночка — на того заморышка, что сзади табуна плелся, и не поглядел...

Сел он на своего добра коня, — под ним конь бежит, земля дрожит, из-под копыт по сенной копне летит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет... Не успела бы стриженная девка косы заплести — уж он подъехал ко

дворцу Кощееву, ухватил свою ненаглядную Марью Моревну и помчался с ней, как стрела из лука.

Только что они отъехали, Кощей домой ворочается — под ним конь спотыкается... «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? Иль беду чуешь?» — «Иван-царевич опять приезжал, Марью Моревну увез». — «А сможешь догнать?» «Надо бы догнать: под ним мой младший брат; кабы взял он у Бабы-Яги заморышка, что сзади табуна плелся, — не догнать бы его и ветру буйному», — отвечает Кощеев конь.

Тут бил Кощей коня по крутым бедрам, рассекал кожу дочерна-мяса, разбивал мясо до белых костей. Под ним конь возъярятся, от сырой земли подымается, несет седока выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего...

Уж доскакал Иван-царевич до края проклятой земли, уж его конь передними ногами на святорусскую землю стал — догнал их Кощей, убил Ивана-царевича, разрубил его тело на мелкие куски, а Марью Моревну назад к себе увез.

В те поры потускнело серебро у зятей Ивана-царевича; потускнело серебро, почернело, заржавело. Съехались они вместе у Змея-царя: «Ох, беда с Иваном-царевичем приключилась; надо ехать скорей — не поможем ли».

У границы Кощеева царства наехали они на мертвое тело; лежит оно, на куски разрубленное, а рядом богатырский конь ходит. Признали зятя в том мертвом теле Ивана-царевича; сейчас обернулся добрый молодец птичий царь ясным соколом, взвился высоко-высоко, ударил сверху и зашиб вороненка. Говорит ему Черный Ворон: «За что, царь, моего сына погубил?» — «Не за что, а затем, чтоб слетал ты, Ворон, и добыл мне живой и мертвой воды». Черный Ворон полетел и принес под обоими крыльями по пузырьку с водой мертвой и живою. Сбрызнули зятя вороненка — он ожил и улетел; сбрызнули куски тела мертвой водой — они срослись, сбрызнули живой водой — ожил Иван-царевич, поднялся. «Ох, — говорит, — как я долго спал!» «И спать бы тебе до конца веку, кабы не мы!» — отвечает ему Змей-царь. Одумался Иван-царевич, вспомнил, что с ним приключилось и заплакал: «Зачем, — говорит, — вы меня оживили! Все равно мне не жить без Марьи Моревны. Поеду сейчас опять за ней в Кощееву берлогу».

Как ни отговаривали зятя Ивана-царевича — не могли отговорить. «Что с тобой делать, — говорит Змейцарь, — поезжай на свою погибель. Только хоть попытайся спастись: попроси твою жену, Марью Моревну, чтоб она доведася у Кощея: где его смерть запрятана. Может, удастся его смерть отыскать — и мы тебе поможем».

Приехал Иван-царевич в третий раз к Кощееву дому — Марья Моревна и глазам своим не верит, и обрадовалась и испугалась. Ей Иван-царевич все рассказал: как зятя его оживили, чему научили. «Хорошо, — говорит она, — надо последнюю надежду попытать». И спрятала Ивана-царевича в отдаленной комнате.

Вечером приехал Кощей с добычи — Марья Моревна его не по-прежнему, весело встретила, стала к нему ласкаться, а потом спрашивает: «Отчего это тебя, Кощеюшка, Бессмертным зовут?» «А оттого, что никому не узнать, где моя смерть спрятана». — «Неужели и я этого знать не могу?» — «Зачем тебе?» — «Я бы оберегала-стерегла; чтоб кто до твоей смерти не добрался, мой Кощеюшка, чтоб мне, сироте, без тебя одинокой не остаться». «Ишь ты, — говорит Кощей, — ну, ладно, уж тебе я скажу: моя смерть в рогах того козла спрятана, что у нас на конюшне».

Приезжает Кощей с добычи на другой вечер, глядь — по горнице конюшенный козел ходит и у него рога вызолочены, как жар горят. «Это что такое?» — спрашивает Кощей у Марьи Моревны. А она ему: «Я нарочно козла теперь около себя держу и рога ему вызолотила, чтоб всегда твою смерть беречь». «Эка, правду говорят: у бабы волос долог да ум короток! Гони козла назад в конюшню: моя смерть — в том венике, что под печью валяется».

Смотрит Кощей на другой вечер — а веник, уж весь золотом и дорогими камнями убранный, лежит на столе, в серебряной миске. Давай Кощей смеяться: «Эка, бабы! Что им ни скажи, всему верят. Может ли это быть, чтобы моя смерть была в венике запрятана. Ну, слушай, Марья Моревна, за твою ко мне любовь я, так и быть, уж скажу тебе: далеко-далеко отсюда, на море, на Океане, есть остров Буян; на том острове растет дуб; под тем дубом железный сундук зарыт, в том сундуке, за двенадцатью замками булатными, заперт заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в том яйце огонь теплится. Если это яйцо добыть, разбить и огонь потушить — тогда мне и смерть придет. Да где туда человеку добраться!»

Наутро, только Кощей уехал за добычей, Марья Моревна выпустила Ивана-царевича и рассказала ему, где Кощееву смерть искать. Выбрался Иван-царевич из проклятого царства, доехал до Змея-зятя. «Ну, — говорит змеинный царь, — надо последнее средство испытать. Созову я других твоих зятьев, доберемся до острова Буяна, попробуем Кощееву смерть добыть».

Долго ли, коротко ли — время идет да идет, а Иван-царевич по морю-Океану плывет вместе с зятьями. Немало довелось им беды избыть — а добрались они все-таки до острова Буяна.

Посреди того острова стоит дуб, старый, кряжистый, пяти человекам дуба не обхватить, а царь Медведь только качнул его — и вывернул с корнями. Стала на месте дуба глубокая яма, а в той яме виден крепкий хилезный сундук, двенадцатью обручами железными окованный, двенадцатью замками булатными запертый; не разбить его ни топорами, ни ломами, а царь Медведь только дернул за крышку — она так и отскочила. Вырвался из того сундука серый заяц, заложил уши и пустился бежать неведомо куда. Где его поймать! А Ясный Сокол — птичий царь взвился кверху, нагнал, ударил зайца и принес его к Ивану-царевичу. Иван-царевич разрезал зайца, вдруг выпорхнула из-зайца утка, закрикала, полетела — а за ней Ясный Сокол — птичий царь. Летит утка над синим морем, а над нею Ясный Сокол вьется, изловчается, как бы лучше ее сверху ударить. Вдруг — сложил крылья, камнем на утку кинулся и закогтил ее. Только было захватил Ясный Сокол утку когтями, чтоб нести ее Ивану-царевичу, вдруг уронила утка яйцо, упало оно в синее море и пошло, как ключ, ко дну. А царь Змей то за приметил, вмиг обернулся щукой, рыбой зубастой, нырнул в море — и вынес яйцо Ивану-царевичу.

Едет Иван-царевич через Кощеево царство, яйцо в руке держит да нет-нет и сдавит... Оттого Кощей тяжелой болью схватывает. «Ох, Марья Моревна, — говорит он, — что-то худо мне можется, так сердце и щемит. Прилягу-ка я, может быть, полегчает».

Марья Моревна у окна сидит, на белый свет глядит. Вдруг закурилась вдали пыль — ближе, ближе, вот и конский топот слышится. Подскакал верховой, спрыгнул с коня — идет прямо в дом. Замерло сердце у Марьи Моревны, а Кощей повернулся и спрашивает: «Будто подъехал кто?» Не успел он этого и выговорить, отворилась дверь в горницу и вошел Иван-царевич.

Страшно смотрит на него Кощей, так бы и разорвал его, да подняться силы нет: Иван-царевич сдавил, разломил яйцо — в скорлупке огонек теплится, чуть-чуть вспыхивает. «Знаешь, Бессмертный Кощей, что это?» — спрашивает Иван-царевич. «Твое счастье, — сказал Кощей, — а моя смерть!» — и повернулся к стене лицом. Тут дунул Иван-царевич на огонек; огонек вспыхнул и погас, а с тем и Кощею конец пришел.

Вернулся. Иван-царевич с Марьей Моревной в свое отцовское царство, стал с ней жить-поживать припеваючи, родителей вспоминаючи. И теперь перед всеми царевич своей женой похваляется — тем и сказка кончается.